

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

**Китаист Н.Т. Федоренко в начале
творческого пути
(неизвестные страницы биографии
крупного востоковеда)**

Старшему поколению востоковедов, особенно китаистам, хорошо известен серьезный вклад видного дипломата и писателя Н.Т. Федоренко (1912–2000) в развитие отечественного востоковедения. Об этом свидетельствуют не только его многочисленные и разнообразные по жанру и содержанию научные труды (отдельные статьи, монографии и записки о странах Востока), посвященные Китаю и Японии, но и высокохудожественные переводы произведений китайской классики, начиная с сочинений эпохи древности до публикаций современных ему (и лично знакомых) китайских писателей, живших и работавших до и после образования КНР.

Чтобы немного представить начальный этап работы Н.Т. Федоренко на дипломатическом поприще в Китае, куда его направили в 1939 г., достаточно обратиться хотя бы к одному служебному документу (от 18 декабря 1940 г.), составленному и отправленному в Москву, в I-й Дальневосточный отдел НКВД СССР (за подписью полпреда А. Панюшкина). В этом документе говорилось: «Препровождая перевод меморандума МИД [Китайской Республики] от 17 декабря 1940 г., сообщаем, что подобные заявления МИД повторялись неоднократно.

В своё время нами уже было сделано заявление министру иностранных дел Ван Чун-хую о том, что мы прекратим перевозку пассажиров на „дипломатическом“ самолёте по линии Алма-Ата – Чунцин.

Просим сделать соответствующие указания советскому консулу в г. Урумчи тов. Бакунину и дирекции авиакомпании „Хами-ата“ о том, чтобы они не перевозили посторонних лиц указанным самолётом.

В случае [острой] необходимости перевозки советских граждан этим самолётом, просим ставить нас об этом в известность.

Считаем, что следует всячески воздерживаться от перевозки советских граждан „дипломатическим“ самолётом, так как китайская сторона может вновь поднять вопрос о[б отказе в] допуске нашего самолёта»¹.

© Хохлов А.Н., 2012

Успешному ходу научных занятий Н.Т. Федоренко в годы Великой Отечественной войны в немалой степени благоприятствовало его активное участие в работе Полпредства СССР в Чунцине, которая значительно активизировалась в период антияпонской войны (1937–1945 гг.) за счёт расширения политических и культурных контактов Советской России с Китайской Республикой. О важном переломе в развитии советско-китайских отношений в указанный период позволяет судить протокольная запись Н.Т. Федоренко о количестве китайских гостей, приглашённых советским посольством на торжественный приём 7 ноября 1940 г. по случаю 23-й годовщины Октябрьской революции, – до 200 персон. Помимо членов высшего руководства Китая (президента Линь Сэна, Чан Кай-ши с супругой, Ван Чун-хуя, Ю Ю-жэня и других лиц), известных деятелей Гоминьдана и КПК (Дай Цзи-гао, Е Цзянь-ина и др.), среди приглашённых гостей было немало представителей прессы и руководителей общественных организаций, в том числе Китайско-советского Общества культурных связей (в лице Сунь Фо, Ван Кун-луня, Го Мо-жо, Хоу Вай-лу, Цзянь Бо-цзяня, Гэ Бао-цюаня, Цао Цзин-хуа и др.)².

Расширению массовых культурных контактов советских дипломатов (Т.Ф. Скворцова, Н.Т. Федоренко, С.Л. Тихвинского и сотрудников советских консульств в разных городах Китая) способствовали проводимые под их наблюдением и руководством различного рода культурные мероприятия, связанные с показом советских кинофильмов, организацией тематических фотовыставок и заседаний, посвящённых памятным датам. Личные беседы с деятелями китайской культуры создавали благоприятную почву для взаимного обмена достоверной информацией, полезной для обеих сторон, связанных общими целями борьбы с фашизмом в Европе и Азии. Лично для Н.Т. Федоренко были особенно интересны суждения и мысли Го Мо-жо о творчестве китайского поэта Цюй Юаня (340–278 гг. до н.э.), ставшего объектом театральных постановок в тогдашнем, борющемся за свою независимость Китае.

О массовом посещении китайцами советских выставок в Китае в период антияпонской войны позволяет судить, например, такой факт: на выставке «Советская графика», работавшей с 16 по 22 марта 1943 г. в Чунцине, побывало около 20 тыс. чел.³

Подробные сведения об одной из таких выставок сообщались в письме от 10 июня 1942 г. руководства Женского комитета Общества культурных связей Китая с СССР на имя В.С. Кеменова, председателя Всесоюзного Общества культурных связей с заграницей (ВОКС). В этом письме, в частности, говорилось:

«Согласно Вашему указанию, мы сообщаем Вам о фотовыставке „Женщины советской страны“, присланной Вашим Обществом.

Наше общество открыло эту выставку в своём помещении в Чунцине 9 октября прошлого года. Она работала 6 дней и её посетили более 25 тыс. чел., причем работницы фабрик и школьницы приходили на неё целыми отрядами из мест, лежащих на расстоянии нескольких десятков *ли* от города. На выставке присутствовал Ваш посол с супругой. Он вместе с маршалом Фэн Юй-сяном, учёным Го Мо-жо и

артисткой Бай Ян после осмотра экспонатов выставки дали свои отзывы в книге об увиденном. Посол, в частности, написал: „Я выражаю благодарность организаторам этой выставки – жене Фэн Юй-сяна [Ли Дэ-цюань] и госпоже Цао Мэй-цзюнь – председателю и зам. председателя упомянутого выше Женского Комитета. Я считаю, что выставка, открытая накануне китайского национального праздника – дня образования Китайской Республики, имеет особое значение“.

Маршал Фэн Юй-сян в течение трёх минут (экспромтом) написал ниже следующее стихотворение, которое продекламировала артистка Бай Ян:

Здесь открываются выставки и каждый раз всё лучше и лучше. А нынешняя особенно хороша: работающие [на фабриках] девушки и женщины-матери, а также многие прелестные дети могли увидеть [на фото] не только обилие питья и еды, но и успехи женщин в работе по современному воспитанию подрастающего поколения.

Сейчас мы только видим [на диаграммах] эти достижения, но потом мы должны научиться всему увиденному, и тогда успех выставки не пройдёт для нас даром.

Затем господин Го Мо-жо также написал стихотворную строфу, а Фэн Юй-сян, выступив снова вперёд, продекламировал такие новые стихи:

Сегодня, в 30-ю годовщину нашей Республики, нам удалось увидеть фото-документы об известных женщинах Советского Союза. Это позволяет нам представить образец лучшей жизни для женщин многих стран и в этом видится предвестник освобождения всего человечества.

Если хочешь иметь здоровье и счастливое поколение, нужно иметь здоровых и счастливых матерей.

Сегодня, в 30-ю годовщину нашей Республики, нам светит действительно прекрасное осеннее солнце, над нами ясное небо и чувствуется прозрачный воздух (которым легко дышать).

Здесь мы встретились с гостями великой страны, увидели дорогого нам советского посла г-на Панюшкина, который принёс нам массу света.

Это событие явилось выражением тесной дружбы народов наших двух стран. Вообще говоря, народные массы Китая, особенно женщины, выражали своё искреннее восхищение по поводу активного участия советских женщин – наравне с мужчинами – в социалистическом строительстве своей родины.

Наше общее мнение таково: свободная и счастливая жизнь советских женщин завоёвана в тяжёлой, кровопролитной борьбе, поэтому женщины Китая должны брать пример с женщин нашей соседней страны и уверенно следовать за ними...

После выставки в Чунцине, по просьбе рабочих заводов и преподавателей школ подобные выставки на основе имеющихся экспонатов четыре раза устраивались в окрестностях Чунцина, в рабочих и

студенческих районах. Они продолжали работать в течение месяца, и число посетителей этих передвижных выставок увеличилось до 30 тыс. чел.

Воодушевление, охватившее посетителей выставок под указанным выше названием, ещё более укрепило веру наших тружениц в перспективу освобождения женщин в нашей стране, подняв на новую ступень наше мужество в обороне Китая [от новых актов агрессии Японии]»⁴.

1943 год начался в Чунцине с открытия выставки «25 лет СССР», продолжавшейся с 1 по 15 января. Число её посетителей превысило 100 тыс. чел. Более двух тысяч китайцев оставили восторженные отзывы об этой выставке, которая произвела неизгладимое впечатление на местную публику. После её закрытия она была отправлена в г. Бэйпэй (в 100 км от Чунцина) и экспонаты демонстрировалась в школе для одарённых детей, расположенной в окрестностях этого города.

Международный женский день – 8 марта этого же года также ознаменовался открытием в Чунцине выставки, подготовленной по фотоматериалам, полученным от ВОКС'а и ТАСС, а также фотографий, привезенным сюда женой бывшего китайского посла в СССР Шао Ли-цзы. Входы в выставочные залы были украшены полотнами с восторженными отзывами о мужестве и героизме советских женщин (на фронте и в тылу) и призывами к женщинам Китая активно бороться с японским агрессором, следуя примеру советских женщин в борьбе с фашистской Германией. Иероглифы на этих полотнах написали Сун Цин-лин (вдова Сунь Ят-сена) и Ли Дэ-цюань (жена Фэн Юй-сяна)⁵.

Активно участвуя в подобного рода массовых мероприятиях, организуемых порой по инициативе Общества культурных связей между СССР и Китаем, Н.Т. Федоренко, благодаря тесным контактам с китайскими писателями, сумел собрать по их советам оригинальный материал для своей диссертации, избрав под влиянием бесед с Го Мо-жо новую тему, посвящённую жизни и творчеству известного китайского поэта Цюй Юаня. Приехав из Китая в Москву в 1943 г., он блестяще защитил диссертацию о творчестве Цюй Юаня, за что был, вопреки традиции, сразу удостоен учёной степени доктора филологических наук. Столь неординарное событие в научной жизни тогдашней России (предполагавшей почти обязательный порядок защиты диссертаций сначала на соискание ученой степени кандидата наук, а затем на степень доктора) несколько озадачило его старших коллег, тем более что у молодого исследователя (в возрасте 31 года), как оказалось впоследствии, ещё не было печатных публикаций по изучаемой им теме. Сомнения в правильности решения Учёного совета Института востоковедения АН СССР относительно присуждения Н.Т. Федоренко степени доктора наук высказывал, например, известный китаевед-экономист В.М. Штейн, во время войны эвакуированный из Ленинграда на Волгу. В письме из Саратова он 10 мая 1943 г. сообщал акад. В.М. Алексею, находившемуся тогда также в эвакуации (в Северном Казахстане, в посёлке Боровое):

«Вместе с Вами возмущаюсь историей с Федоренковской диссертацией. Насколько я мог подметить, Федоренко не принадлежит к числу гениев, явно отмеченных печатью избрания на высоком челе, а в отношении рядового научного работника *ставить вопрос о присвоении ему сразу докторской степени, когда он, вероятно, не имеет за душой печатной строчки, мне кажется поистине нелепо.* Удивляюсь, что Николай Иос[ифович Конрад] и Ник[олай] Вас[ильевич Кюнер] не разобрались в этом элементарном вопросе⁶ (Здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

У меня сейчас довольно большая лекционная нагрузка (12 час. в неделю, и так как приходится всё время заниматься предметами, не имеющими ничего общего с моей основной специальностью – синологией, я, конечно, грущу по поводу того, что теряю квалификацию»⁷.

Примечательно, что уже в 1944–1946 гг. в китайской научной печати появились публикации Н.Т. Федоренко о жизни и творчестве Цюй Юаня, в которых излагались основные положения и выводы его диссертации⁸, причём впоследствии исследователь не раз обращался к её материалам при подготовке к изданию сборников стихотворений Цюй Юаня и других китайских поэтов, а также в монографиях по истории китайской культуры.

28 мая 1945 г. Н.Т. Федоренко посетил Го Мо-жо, которому вручил от имени Академии наук СССР письмо с приглашением видного китайского историка и литератора в Советскую Россию на юбилейную сессию по случаю 225-летия Академии⁹. Ко времени отлёта Го Мо-жо из Чунцина в Москву (9 июня) на американском транспортном самолёте Н.Т. Федоренко подготовил работу под названием «Эпоха и мир Цюй Юаня», дошедшую до нас в виде машинописного варианта¹⁰.

Начиная с первых публикаций в Китае, Николай Трофимович Федоренко опубликовал более 30 монографических работ и около 300 статей по истории китайской литературы и искусства. Их научная ценность признана и высоко оценена не только отечественной наукой, но и зарубежной, о чем свидетельствует его избрание почётным членом Института китаеведения в Токио, членом Академии политических и социальных наук США, членом Академии искусств во Флоренции и профессором Иллинойского университета (США). Его заслуги перед отечеством на дипломатическом поприще и в науке отмечены высшими наградами в Советской России и за рубежом.

Благодаря высокому авторитету на дипломатическом поприще, а больше глубоким познаниям в области китаистики, Н.Т. Федоренко нередко приходилось брать на себя роль инициатора в подготовке и издании различного рода тематических сборников, состоящих из добротных статей и переводов, посвящённых истории культуры Китая. Участвуя в подобного рода изданиях в качестве автора или ответственного редактора, он неизменно демонстрировал удивительный энциклопедизм в практическом значении изучаемой проблемы, касающейся преимущественно Китая либо Японии¹¹.

О трудах Н.Т. Федоренко, содержащих серьёзный анализ актуальных проблем в литературоведении, можно найти немало положительных

отзывов, однако до сего времени не написана его научная биография, позволяющая аргументировано и конкретно говорить об этом исследователе как тонком знатоке истории китайской литературы и прекрасном переводчике её шедевров, как учёном, внесшим весомый вклад в пропаганду достижений китайской культуры в разные периоды существования государства и общества в Китае – с эпохи седой старины до наших дней.

Судя по имеющимся публикациям о жизни и творчестве Н.Т. Федоренко¹², наименее изучен в отечественной историографии наиболее ранний период его творческого пути, связанный с формированием его научных интересов и выбором главного стержня своей будущей научной квалификации в качестве исследователя-литературоведа.

С учётом этого обстоятельства нами ниже приведены ранее не публиковавшиеся архивные материалы, проливающие дополнительный свет на мало известный период жизни и деятельности Н.Т. Федоренко, которого мы вправе назвать звездой послевоенной отечественной китаистики в одном ряду с другими китаистами, работавшими с ним в Китае либо в Москве или Ленинграде. Если публикуемые в данной работе архивные документы – автобиография, написанная Н.Т. Федоренко 21 сентября 1962 г., диплом, полученный им в 1937 г. по окончании Московского института востоковедения, а также другие документы сообщают самые общие сведения о его рождении, образовании и последующей дипломатической службе и научной деятельности (после поступления на работу в ИВ АН СССР), то избранные письма Н.Т. Федоренко к акад. В.М. Алексееву открывают некоторые неизвестные страницы его биографии, связанные с поездкой в Монголию в 1939 г., его службой в Китае, в Чунцине (с 1939 г.) и выбором новой темы диссертации (защищённой в 1943 г.), проложившей ему путь в большую науку.

I. АВТОБИОГРАФИЯ Федоренко Николая Трофимовича

Родился в 1912 г. в г. Пятигорске, в семье рабочего-плотника. Трудовую деятельность начал рабочим в 1929 г., после окончания средней школы в Пятигорске. В 1933 г., по окончании Авиационного техникума в г. Таганроге, работал (в 1933–1934 гг.) конструктором на одном из Московских заводов. В 1937 г. окончил Московский институт востоковедения, а затем в 1939 г. – аспирантуру этого же института по кафедре китайской филологии.

До 1927 г. состоял в организации юных пионеров Пятигорска, в 1927 вступил в ряды ВЛКСМ, а затем в 1939 г. был принят кандидатом в члены КПСС; с 1943 г. – член КПСС.

С 1939 г. нахожусь на дипломатической работе. В 1939–47 гг. – секретарь и советник Посольства СССР в Китае. В 1947–48 гг. – Поверенный в делах СССР в Китае. В 1950–52 гг. – советник и Поверенный в делах СССР в КНР.

Одновременно в течение 12-летнего пребывания в Китае занимался китайской филологией. В 1943 г. защитил диссертацию на степень доктора филологических наук. В 1955 г. мне присвоено звание профессора китайской филологии. В 1958 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

В 1952–55 гг. работал заведующим Дальневосточным Отделом МИД СССР. В 1953 г. утверждён членом Коллегии МИД СССР, а с 1955 г. по 1958 гг. был заместителем министра иностранных дел СССР. С 1958 по 1962 гг. являлся послом СССР в Японии.

Награждён орденом Ленина, орденом «Знак почёта», правительственными медалями.

Избирался членом Учёного Совета Института китаеведения АН СССР, членом Учёного Совета Московского Государственного Института международных отношений, членом Учёного Совета Высшей Дипломатической школы, членом Редакционного совета Гослитиздата, членом редколлегии журнала «Советское китаеведение», членом редколлегии «Восточного альманаха» и др.

Список печатных трудов прилагается.
26.IX.1962 г.¹³

Архив Института востоковедения РАН (Архив ИВ РАН).
Личное дело Н.Т. Федоренко.

II. ДИПЛОМ первой степени Н.Т. Федоренко об окончании в 1937 г. Московского Института Востоковедения

Настоящий диплом выдан Московским Институтом Востоковедения имени Н.Н. Нариманова при Президиуме Верховного Совета СССР гражданину Федоренко Николаю Трофимовичу, родившемуся в городе Пятигорске 9 ноября 1912 года, в том, что он поступил в 1934 г. на китайский сектор Московского Института Востоковедения им. Н.Н. Нариманова, где и обучался до 1 июля 1937 г.

За время своего обучения в Институте Федоренко Н.Т. полностью выполнил учебный план, сдал экзамены по лекционным курсам и практическим занятиям, предусмотренным учебным планом китайского сектора Московского Института им. Н.Н. Нариманова со следующими оценками:

- | | |
|------------------------------------|-----------------------------------------|
| 1. Китайский язык – отлично | 6. Физическая география Китая – отлично |
| 2. Английский язык – отлично | 7. Диамат и истмат – отлично |
| 3. Японский язык – отлично | 8. Древняя история Китая – отлично |
| 4. Политическая экономия – отлично | 9. Новая история Китая – отлично |
| 5. Военное дело – отлично | |

Гражданин Федоренко Н.Т. 11 июля 1937 г. сдал в Государственной экзаменационной комиссии установленные экзамены со следующей оценкой:

Китайский язык – отлично

Английский язык – отлично

Страноведение (Китай) – отлично

На основании постановления Совета Народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 23 июня 1936 г. гражданину Федоренко Николаю Трофимовичу присвоен диплом первой степени.

Председатель Государственной экзаменационной комиссии при Московском Институте востоковедения им. Н.Н. Нариманова при Президиуме Верховного Совета СССР (Акад. В.В. Струве)

И.О. директора Института Востоковедения им. Н.Н. Нариманова при Президиуме Верховного Совета СССР (В.С. Москалев)»

Архив ИВ РАН, Личное дело Н.Т. Федоренко.

III. ДОКУМЕНТЫ о работе Н.Т. Федоренко в Институте востоковедения АН СССР

а) Заявление Н.Т. Федоренко на имя директора Института народов Азии АН СССР члена-корреспондента АН СССР Б.Г. Гафурова

«Прошу восстановить меня в должности ст. научного сотрудника Сектора литератур ДВ и ЮВА вверенного Вам Института, где в этом качестве я состоял до отъезда в Нью-Йорк для работы в ООН.

К работе в Секторе готов приступить с 1 марта 1968 г.

Член-корреспондент АН СССР Н. Федоренко»

Архив ИВ РАН, Личное дело Н.Т. Федоренко.

б) Заявление на имя директора Института народов Азии члена-корреспондента АН СССР Б.Г. Гафурова (25 августа 1968 г.)

В связи с моим переходом в систему Академии Наук СССР прошу оформить меня на должность ст. научного сотрудника (на полную ставку) в секторе литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, где я работаю по совместительству.

Оформление прошу произвести с 1 сентября с.г. С Президиумом АН СССР (вице-президентом АН СССР, акад. Румянцевым А.М.) вопрос согласован.

Член-корр. АН СССР Н. Федоренко»¹⁴

Архив ИВ РАН. Личное дело Н.Т. Федоренко.

в) Письмо зав. Отделом литератур народов Азии ИВ АН Е.П. Чельшева директору Института востоковедения АН СССР акад. Е.М. Примакову (2 января 1985 г.)

Глубокоуважаемый Евгений Максимович,

Отдел литератур народов Азии просит продлить на 1985 год работу по совместительству чл.-корреспондента АН СССР профессора Н.Т. Федоренко, участие которого в научной деятельности Отдела весьма плодотворно и необходимо.

В 1984 году Н.Т. Федоренко завершена и сдана монография «Цюй Юань: поэзия и время» объёмом в 13 а.л. Н.Т. Федоренко участвовал в научных заседаниях сектора литератур ДВ и Индо-китайского п-ва, а также выступал с докладами и сообщениями. Как главный редактор журнала «Иностранная литература», Н.Т. Федоренко способствует сотрудничеству работников Отдела в [этом] журнале.

Член-корреспондент АН СССР, профессор Е.П. Чельшев

Зав. сектором литератур ДВ и Индокитайского п-ва

д.ф.н., профессор Л.З. Эйдлин¹⁵

IV. ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.Т. ФЕДОРЕНКО С АКАД. В.М. АЛЕКСЕЕВЫМ

1. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (17 января 1938 г., Москва)

Уважаемый Василий Михайлович!

Сердечно тронут Вашим необычайным вниманием. Искренно благодарю Вас за столь ценный для китаиста подарок. Постараюсь приложить все усилия, чтобы «овладеть китайским литературным стилем высшего напряжения».

Передаю это же от моих товарищей, которым, конечно, также пригодится этот экземпляр [перевода книги Пу Сун-лина «Ляо Чжай чжи и»]¹⁶.

Я остановился на теме [будущей диссертации]: «Политические и литературные убеждения [взгляды] Лу Синя [1881–1936]», поэтому прошу Вас при составлении [аспирантской] программы для меня учесть это.

С приветом от меня и моих товарищей.

Н. Федоренко

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 1.

2. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (10 июля 1938 г., Пятигорск)

«Лисьи чары» [из «Ляо Чжай чжи и»], которые я закончил [проработкой], оставляют самое приятное, самое восхитительное чувство, могущее возникнуть у [каждого] китаиста. Литературная обработка «Лисьих чар», я бы сказал, совершеннее последнего выпуска «Ляо-Чжаевых» рассказов... Особенно понравился мне язык первых двух рассказов: «Смешливая...»¹⁷ и «Четвёртая Ху»¹⁸. Что касается предисловия к «Лисьим чарам»¹⁹, то я непрерывно перечитываю его, получая при этом много нового и поучительного для себя.

Вообще *эта книга должна стать настольной для китаиста, желающего приблизиться к пониманию языка Ляо Чжэя.*

Прекрасен Машук в июльское утро,
Когда солнечные лучи начинают
рассеивать утреннюю дымку.
Легко дышится горным воздухом
и ощущается приятное чувство,
вызываемое чудной природой.

Особенно приятно погрузиться в интересную книгу, созерцая прелесть здешней природы. Не собираетесь ли Вы, Василий Михайлович, посетить наши края?

Ваш Н. Федоренко

СПб. филиал АРАН, оп. 3, ед. хр. 806, л. 2–4.

3. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (24 октября 1938 г., Москва)

Очень благодарен Вам за список английских пособий по Китаю для чтения со студентами-китаистами на занятиях по английскому языку (в том числе и по Синьцзяну). Как только этот список будет перепечатан, я тотчас вышлю Вам [его] оригинал.

Относительно расписывания текстов [из произведений] Лу Синя [для русско-китайского словаря] я должен Вам, к сожалению, сказать, что 2 тыс.

карточек к 1-му декабря 1938 г. при всём моём желании сделать не смогу. Тем не менее, к этой работе я уже приступил, но очень сомневаюсь, однако, в правильности её исполнения, поэтому с Вашего разрешения я вышлю первые 100 моих карточек на Ваше рассмотрение, после чего продолжу, вероятно, эту работу далее.

Тов. Коротков²⁰ согласен принять участие в этой работе, о чём он, вероятно, сообщит тов. Драгунову²¹.

Ваши статьи и переводы в «Востоке» и «Литературе Востока» прочёл с большим удовлетворением. Собираюсь ещё раз прочесть всё [написанное Вами], т.к. нашёл много интересного для себя.

В отношении [поведения] «цзюньцзы»²², настоящего человека, *очень хочется надеяться, Василий Михайлович, что Вы окажетесь всё же достаточно твёрдым, помня, что после бури, всегда бывает тихая погода...*

Ваш Н. Федоренко

Р.С. Письма [Ваши] к Эми Сяо²³ и [В.С.] Колоколову²⁴ вручены.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 5–6.

4. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексеєву (9 апреля 1939 г., Москва)

Дорогой Василий Михайлович!

Очень рад, что Вы прочитали [мою работу о] «Чу гуань»²⁵ и сделали порядочное количество замечаний. Думаю, что мне теперь, наконец, удастся добиться грамотного перевода [этого рассказа Лу Синя]. Мне кажется, что [было бы] лучше всего выслать перевод и книгу, [и на этот случай] у меня есть одно соображение: не лучше ли, Василий Михайлович, перенести часы [наших занятий] на сентябрь месяц, учитывая Вашу загрузку по [китайско-русскому] словарю?.. Если Вы не возражаете против переноса [занятий] на сентябрь, то я договорюсь с зав. аспирантурой.

Вашу рукопись читает лично А. Фадеев после знакомства с нею ряда членов редколлегии. Если почему-либо её не примут к печати в журнале, то постараемся издать отдельной книжкой... Итак, слово за Фадеевым.

Ваш Н. Федоренко

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 14–15.

5. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексеєву (13 мая 1939 г., Москва)

О Ваших приездах в Москву для занятий с нами, не может быть и речи. Вопрос решён: мы будем ездить к Вам. Отсылаю Вам, как обещал, программу [занятий в аспирантуре] и свой перевод «Чу гуань» с [китайским] текстом. Жду Ваших указаний относительно учебной подготовки и срока нашего [желательного для Вас] приезда в Ленинград.

Ваши переводы передал в Иностранную комиссию ССП [Союза советских писателей]. Завтра узнаю результат [про]чтения их, о чём сообщу Вам тотчас же.

Как Ваше здоровье? Принята ли Ваша статья о [китайской] литературе?

Ваш Н. Федоренко.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 12.

6. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексеєву (24 июля 1939 г., Чита)

Дорогой Василий Михайлович!

Теперь меня сильнее, чем кашель, тревожит мысль, что меня могут задержать в этой пыльной, душной, утомительно-знойной Чите.

События на маньчжуро-монгольской границе разыгрались совсем не кстати. От них стало зависеть моё пребывание здесь. Нетрудно представить, с каким нетерпением я ожидаю их окончания, с какой надеждой я жду возможности возвратиться в Москву для продолжения работы над диссертацией.

Я с болью думаю о продолжительной работе в Чите, а это, кажется, так возможно... Вот и у меня теперь грусть и печаль стали ведущими началами, но это ещё, пожалуй, не пессимизм...

Работать приходится очень много, конечно, [с материалами] на китайском яз., но, к сожалению, не по [Вашей] программе. Однако я делаю всё возможное, чтобы приблизиться к программе и извлечь пользу из практической работы.

Живу надеждой скоро [с Вами] встретиться и продолжить нашу [общую] работу. Приняли ли Ваши шедевры [к печати]? Когда у Вас будет отпуск? Как [идёт] работа над [китайско-русским] словарём?

При нормальной обстановке я должен пробыть здесь до 15 августа.

Ваш Н.Ф.

P.S. [Мой адрес]: г. Чита II, до востребования.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 16.

7. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексею (9 октября 1939 г., Пятигорск)

Сейчас я сижу у подножья прекрасного Машука. Смотрю на Пятигорск, подёрнутый едва прозрачной дымкой, и не могу всё ещё поверить, что это не сон, [от того] что не могу проснуться от неосторожного движения и снова очутиться в траншеях, наполненных результатами взаимных усилий в истреблении [друг друга]...

Я начинаю постепенно восстанавливать своё первоначальное состояние, и как только мне удастся это окончательно, так тотчас же приеду к Вам и мы продолжим [наши] занятия.

Я пытаюсь понемногу читать, но не всегда это разрешается врачами, хотя я не очень большой поклонник белохалатников.

А Машук всё также прекрасен, также горд и независим, держится в стороне от шума [городской] толпы, хотя она и старается приблизиться к нему, всё выше водружая свои жилища на его склонах.

Я чувствую, что мне с каждым днём становится лучше, [и] причиной этому, конечно, живительный воздух пятигорской природы.

Скоро 125-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Чем отметите Вы эту знаменательную дату?

Как Ваше здоровье? Как [дела] с [китайско-русским] словарём? Над чем Вы [сейчас] работаете [лично]? Был ли [у Вас] Л[ев] З[алманович] Эйдлин)?

Ваш Николай

P.S. Напишите мне, если у Вас будет время, по адресу: Пятигорск, санаторий РККА, корп. 3, мне.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 17–19.

8. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексею (4 ноября 1939 г., Пятигорск)

Очень благодарен за Ваше сердечное письмо, за Вашу добрую память обо мне. Я совсем здоров и 15 ноября собираюсь быть в Москве, а к 1-му декабря, если Вам удобно, – к Вам.

Очень завидую Л.З. [Эйдлину], получившему от Вас «Си линь мэнь» («Ворота приближающегося счастья»). Сделаться же обладателем «ещё одной точно такой же» (вещицы), вероятно, удастся мне в ближайшие 3–4 года...

В Пятигорске теперь выпал снег. Солнечные дни стали редкостью. По нежному бархату осенних лиственных ковров уже больше не скользят золотистые зайчики. Машук набросил на себя белый искрящийся [снегом] халат. По утрам так отчётливо виден двуглавый красавец Эльбрус, возвышающийся в передней цепи Кавказских гор. После десятилетнего перерыва я снова увидел зимнюю картину Пятигорска.

Ваш Н.Ф.

P.S. Сообщаю Вам, на всякий случай, мой пятигорский адрес: Пятигорск, ул. Власова, 26.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 20–21.

9. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексею (29 ноября 1942 г., Москва)

Дорогой Василий Михайлович!

Вы, очевидно, твёрдо разочаровались во мне и, конечно, менее всего ожидаете вестей от меня, державшего Вас в полном неведении вот уже почти три года.

К моему удивлению, многие успели отправить меня на тот свет... Это тем более странно: ведь я, кажется, старался совсем никому не надоедать. Увы, я оказался очень живучим, может быть, слишком живучим...

Не стану оправдываться. Уверен, что Вы, Василий Михайлович, поймёте меня без труда, когда мы встретимся и объяснимся.

Я, сверх моего ожидания, удостоился командировки в Москву на два-три месяца и только что получил разрешение руководства НКВД на подготовку и защиту диссертации. Спешу признаться, дорогой Василий Михайлович, что последние два года я увлекался не Лу Синем, а Цюй Юанем, и уже сейчас заканчиваю работу «Цюй Юань и его творчество», которую хочу представить в качестве диссертации. Но прежде всего я отдаю всё это на Ваш суд. Без Вашего благословения я не решусь дерзнуть, хотя в своих праведных трудах уверен.

Теперь буду продолжать работу и ждать Ваших инструкций, которые для меня как «тянь-мин» («мандат Неба»).

Не знаю, получили ли Вы мои телеграммы, посланные в Свердловск и Боровое? Наверное нет.

Прошло три года, тяжёлых и страшных [для нас всех]. Но теперь, кажется, мы имеем право встретиться и вместе поплакать... Не осуждайте меня, Василий Михайлович, не осуждайте только до встречи. Вы увидите, что я не виноват.

Напишите мне всё, что Вам можно и нужно, что Вы написали бы своему родному сыну.

Жму Вашу руку и обнимаю.

Ваш Федоренко.
P.S. [Адрес для ответа]: Москва, гостиница «Москва», номер 941,
Федоренко Н.Т.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 22.

10. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (4 июня 1944 г., Чунцин)

Дорогой Василий Михайлович!

Сегодня получил Ваши письма от 19 октября 1943 г., 12 января 1944 г. и открытку от 30 декабря 1943 г. Пришло всё это вместе. Конечно, фактор времени всегда остаётся в силе, но скажу правду: у меня нет слов, чтобы выразить [огромную] радость, которую принёс мне этот день...

Зачем скрывать: мы никогда не в состоянии прокорректировать самих себя, уравновесить «жар сердца холодом рассудка». Да, мы часто видели лишь стебли и побеги, находящиеся на поверхности, а не глубокие корни, скрытые в тайниках души, которая всегда больше, чем кажется. *У нас одни цели, один научный интерес: посвящение себя китайской литературе и истории, который незримо духовно роднит нас, открывает нам друг друга, сливает воедино сердца и помыслы.*

Какие у нас могут быть противоречия и даже вражда? Я был и навсегда останусь Вашим учеником, в глубокой и искренней благодарности которого у Вас нет оснований сомневаться.

Война коснулась самых глубоких основ современного Китая... Тяжёлая и изнурительная борьба, которую ведёт китайский народ с японским империализмом, не исчерпывается [только] боями – непосредственно на передовых боевых позициях. Бесспорно, что конечный исход этой схватки будет решаться на поле брани, но теперь в разгаре ожесточённая борьба в области духовной жизни, в области идеологии и культуры. На протяжении семи лет японский империализм лишь подтвердил то, что он стремится уничтожить самобытную культуру Китая...

А как взглянешь вокруг себя... – бедный, бедный китайский народ. Глядя на его жизнь, кажется чем-то чудовищно преступным жить сытым. Обыкновенно китайцы [провинции] Сычуань никогда не едят мяса. У них едва хватает риса – их насущного хлеба. Кто побогаче, тот ест овощи. [Простые] люди каждый день отыгрываются от голодной смерти и нищеты... Здесь [бедняки] никогда не вылезают из долгов. Кротко и покорно китайские крестьяне несут тяжёлый крест [такой чудовищной] жизни...

В ... письме из Чунцина (в феврале 1944 г.) я послал Вам свои краткие заметки о современном состоянии литературной мысли Китая. Здесь хочу продолжить свою информацию, которая, думаю, Вам будет небезинтересной.

Мне удалось наладить постоянные научные связи с такими деятелями Китая, как Го Мо-жо, Мао Дунь, Лао Шэ, Ся Янь, Сюй Бэй-хун, Цзянь Бо-цзань, Хоу Вай-лу и многими другими литераторами, историками и учёными.

Мое мнение о Лу Сине Вам известно. Его творчество поражает своим реализмом, который вообще составляет отличительную черту [написанных им] новелл и критических статей. Благодаря своей живой впечатлительной натуре, огромной наблюдательности и способности впитывать впечатления других [лиц] он оказался наиболее тонким и гибким писателем, чтобы скорее,

чем кто либо развить тот реализм в китайской литературе, который, несомненно, имеет тенденцию стать основой всего современного искусства [в Китае].

Известно, что выход в свет «Правдивого жизнеописания Акю» («Акю чжэн чжуань») ²⁶ вызвал целую бурю [в китайском обществе]. Можно смело сказать, что на протяжении последних лет... литературные характеристики [этого произведения] не удостаивались такого внимания. В этом противоречии сказалось мастерство великого писателя. Чуткая рука этого тонкого художника нащупала большое место современного китайского общества, вскрыла одну из глубоких... травм уродливого развития социального организма Китая.

Лу Синь смотрит на жизнь [китайского общества] глазами подлинного художника. Ему многое дано увидеть, ему есть что рассказать о людях и их жизни, и нет сомнения, что это противоречие [с официальной идеологией] останется в китайской литературе на многие годы.

Лу Синь стремился проникнуть в глубь жизненных явлений и противоречий китайского общества с его традиционной культурой. Он старался изменить эти противоречия и достоверно точно передать их в своих трудах. Во всех работах Лу Синя чувствуется... взволнованность художника, заставляющего читателя проникнуться теми же чувствами, которые вызывали у него образы, картины и мысли в изображении писателя.

Путь Го Мо-жо новатора-труженика, очень устремлённого [в своей работе], убеждённого в своих делах до самозабвения. Перу Го Мо-жо принадлежат не только стихи, романы, повести, рассказы, пьесы, переводы (в т.ч. «Война и мир» Л. Толстого).

Го Мо-жо является также автором ряда ценнейших научных работ: «Чжунго гудай шэхуй яньцзю» («Исследования по истории древнекитайского общества») [Шанхай, 1930], «Лян Чжоу цзинь-вэнь цы да-си тулу» («Надписи на бронзе периода Западного и Восточного Чжоу»), «Цзинь-вэнь цун-као» («Исследование надписей на бронзе», т. 1–3 [Пекин, 1954] [и др.], которые изданы в Токио и, можно сказать, не имеют себе равных.

Недавно он написал ряд [важных] статей: «Люй Бу-вэй», «Мо-цзы» и «Цзя-шэн сань-бай цзи» («К трёхсотлетию событий 1644 г.» [2-е издание. Пекин, 1946], из которых последняя вызвала бурю негодования со стороны реакционных ортодоксов Гоминьдана. *И во всей своей деятельности Го Мо-жо чужд созерцательству. Он страстно вмешивается в жизнь и как литератор и как общественный деятель. Он остаётся борцом и организатором новой жизни.*

Во второй половине апреля с.г. культурные круги Китая отмечали 20-летие литературной деятельности Лао Шэ [1899–1966]. Это чрезвычайно скромный человек, любимец молодёжи, крупнейший мастер юмористического жанра, знаток пекинского диалекта. Перу Лао Шэ принадлежат 27 крупных произведений: «Лао Чжан ды чжэ-сюэ» («Философия почтенного Чжана», «Эр Ма» («Двое по фамилии Ма»), «Ло-то сян-цзы» («Рикша») (Шанхай, 1949), «Мянь цзы вэнь-ти» («Вопрос о чести») [Пьеса] и др. Сейчас Лао Шэ работает над большим романом из жизни китайского народа в период антияпонской войны.

Писатель Мао Дунь [1896–1981], выступив с серией коротких рассказов, теперь работает над большим произведением, которое, видимо, будет продолжением его ранних романов – «Цзы-е» («Перед рассветом») и др.

Недавно [в Чунцине] вышел в свет первый том краткой истории Китая нового, но чрезвычайно талантливого историка Цзянь Бо-цзяня [1898–1968] под названием «Чжунго ши-ган» («Курс истории Китая»). Автор – сторонник исторического материализма, один из прогрессивных деятелей современного Китая. Он задумал выпустить восьмитомник. Первый том (ди и цзюань – на 408 страницах с иллюстрациями и картами) посвящён доиньскому, иньскому и чжоускому периодам. Это, пожалуй, одна из лучших работ по истории Китая, написанная историком-материалистом. Книгу «Чжунго ши-ган» попытаюсь выслать Вам с очередной почтой.

Другая книга того же автора «Чжунго ши-лунь цзи» (Сборник статей по истории Китая [Чунцин, 1943]) представляет большой интерес прежде всего как смелое стремление по-новому осветить различные проблемы и [важнейшие] этапы исторического развития Китая. Этот сборник посылаю Вам вместе с настоящим письмом и ожидаю о нём Ваше мнение и критику для передачи автору.

Не помню писал ли я Вам о книге под редакцией Ли Хэ-линя [Ли Чжу-няня], моего хорошего знакомого, под названием «Цзинь эр-ши нянь Чжунго вэнь-и сы-чао лунь» («О духовном подъёме в области литературы и искусства за последние 20 лет»), посвящённой литературному движению в Китае в 1917–1937 годах. Эта книга выгодно отличается от всех предшествующих работ по истории новой литературы. Ли Хэ-линь не испугался трудностей работы [над избранной темой] и начал её с тщательного изучения огромного фактического материала. Его анализ построен не на существующих легендах, а на твёрдом знании творчества писателей, произведения которых отражают... развитие истории [китайской] литературы.

Недавно была напечатана на китайском языке моя статья «Го Мо-жо чжи Цюй Юань лунь» (Цюй Юань в оценке Го Мо-жо). В ближайшее [время] – через один месяц или два должны выйти из печати основные главы моей диссертации, которые уже переведены [на кит. язык] и находятся в [типографском] наборе.

Вы просите прислать Вам работу Чжэн Чжэн-до под названием «Чжунго вэнь-сюэ ши» («История китайской литературы»), что я хотел бы исполнить с энтузиазмом. Но знаете ли Вы, Василий Михайлович, что эта работа в шести книгах вышла к ноябрю 1932 г. только четырьмя томами в пекинском издании [Бэйпин, изд. Пушэ-шэ]... очень небольшим тиражом и в Чунцине мне никогда не попадалась. Признаюсь, что я в течение пяти лет ищу это издание в Чунцине, Куньмине, Гуйлине [и др. местах], но, увы, тщетно.

Однако мне с трудом удалось найти другую работу этого же автора – «Вэнь-сюэ да-ган», в которой есть главы о китайской литературе, но к нашему общему огорчению это не более, как краткий конспект.

Иногда я встречаюсь с [художником] Сюй Бэй-хуном [1895–1953] и в который раз вспоминаем Вас. Он надеется ещё раз побывать в СССР, но, конечно, после войны. Беседуем мы также с Юань Тун-ли²⁷, с которым

также неизменно вспоминаем о Ваших встречах в Бэйпине и Ленинграде. Они оба шлют Вам приветы.

Пишите мне, Василий Михайлович. Получаете ли Вы мои письма? Над чем теперь работаете, как живёте? Привет всей Вашей семье. Как [Ваш] сын? Как дочери? Как зрение [Вашей] супруги.

Ваш Н. Федоренко

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 25–33.

11. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (10 июня 1944 г., Чунцин)

«Иногда мы бываем на художественных выставках, посещаем частные студии, и я всё более убеждаюсь, что китайский народ в своей истории никогда не довольствовался средним [по качеству], или посредственным искусством. Из поколения в поколение он пестовал замечательных мастеров, создававших великие произведения.

В связи с этим (только ли в этой связи?) я собираю коллекцию картин, и главным образом коллекцию каллиграфической живописи. Кое-чему даже Вы можете позавидовать... Я также убеждаюсь, что фантастическая талантливость некоторых мастеров каллиграфической живописи гениально раскрывает богатство и силу этого искусства. Я испытываю на себе лично, что китайцы в отличие от зарубежных художников всегда достаточно высоко ценят своё родное национальное искусство. Для них ясны роль и самобытность своего искусства в истории мировой культуры. Они никогда не стремились навязывать свои убеждения и взгляды. В глазах китайцев их литература и искусство никогда не нуждались в защите и пропаганде, тем более со стороны.

В последнее время просиживаю [целые] дни за историей литературы. Собрав небольшую библиотеку, стараюсь правильно уловить характер [китайского] национального духа, его моральную окраску, не преуменьшая ни силы гения китайского народа, ни его моральных ресурсов. Это очень трудно, но всё это стоит того, чтобы [серьёзно] потрудиться. Думаю, что [таким путём] удастся искупить все мои затраты денег, сердца и времени».

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 35.

12. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (25 июня 1944 г., Чунцин)

«Недавно любовался творениями [художника] Ван Си-чжи²⁸. Какая ширь [замысла] и размах кисти – будто «метлой» написано. Это выше [любой] живописи, какая когда-либо существовала у китайцев. Хочется без конца смотреть на её живые символы идей.

Убеждаюсь, что вовсе не таинственное наитие и не какая-то счастливая случайность, но огромная и постоянная работа даёт мастерам каллиграфической живописи правильно найти надлежащую высоту художественного впечатления средствами каллиграфической технологии для своего замысла.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 39.

13. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (5 июля 1944 г., Чунцин)

Сегодня получил Ваше письмо, отосланное 15.III. с.г. За это время я успел отправить Вам три письма, два из которых – на ленинградский адрес. А это письмо посылаю через ВОКС [Всесоюзное Общество культурных связей с заграницей].

За последние годы в Китае вышло несколько книг с Лу Синь: воспоминания, исследования, критика. Некоторые авторы довольно часто сравнивают Лу Синя с М. Горьким. Хочу высказать своё мнение по этому поводу. Прежде всего Лу Синь – мастер социального жанра. Подобно Горькому, Лу Синь рассказывает не столько о себе, хотя он мог бы сделать это и по [своему писательскому] праву...

Недавно Го Мо-жо написал короткую статью «Чехов на Востоке», которую я по его просьбе перевёл и отправляю заказчиком: тт. [М.Я.] Аплетину и Сучкову из Иностранной секции [Комиссии] Союза советских писателей, правда, перевод авторизован.

Встречался с Сюй Бэй-хуном, [которому] передал Ваше приветствие. Он очень благодарен за ... высокую оценку его творчества. Шлёт Вам свои сердечные пожелания здоровья и научных успехов...

Совершенно согласен с Вашим мнением относительно [моей] работы в [Ленинградском] университете, на Восточном факультете. К сожалению, все разговоры о моём откомандировании на родину – пустой звук. Что [же] делать?

Крепко жму [Вашу] руку. Ваш Н. Федоренко.

P.S. Встречались ли Вы с Е.Ф. Ковалевым²⁹, с которым я послал Вам письмо и три книги. Посылаю Вам два новых журнала: «Кун сюэ» («Учение Конфуция») и «Вэнь-ши-чжэ» («Литература, история и философия»).

Привет Вам от Бориса Степановича Исаенко³⁰, который здесь, как и я, служит «чернорабочим» китаистом...

Только что получил 12 фишек (Ваш заказ на книги через ВОКС)³¹. Приму все меры к тому, чтобы отыскать и послать Вам эти книги.

СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 806, л. 41–47.

14. Н.Т. Федоренко – В.М. Алексееву (12 апреля 1945 г., Чунцин)

«В феврале сего года вернулся из Индии, в которой пробыл три месяца. Посетить страну, влияние которой среди всех стран мира на духовную жизнь Китая едва ли не самое сильное и глубокое, – законное и естественное желание каждого китаиста. Да, это совершенно другой мир, иное общество, иная жизнь. Дело, конечно, не в экзотике. 350 млн. закабалённого народа – это не романтика. А что касается современной политической ситуации, то она ещё сложнее китайской...

Индия – страна резких контрастов. На каждом шагу там встречаются оборванцы, полунагие нищие, на которых невозможно смотреть без щемящей боли. Огромную территорию в центрах Калькутты и Бомбея занимают улицы, где живёт индийская знать, господствующая каста. В зелени садов стоят роскошные тропические особняки, как будто перенесённые откуда-нибудь из Бродвея. А вокруг – море нищеты и лишений, где [влачит своё жалкое существование] бедный, страшно бедный народ, [находясь] в иноземном ярме. Что только сделало с ним цивилизованное британское владычество. Индия – это страна, в которой затягивается один из сложнейших узлов судьбы человечества».

СПб. филиал АРАН, ф. 830, оп. 3, ед. хр. 806, л. 49.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5283, оп. 18, 1936, д. 25, л. 84.

² ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1938, д. 25, л. 75.

³ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 32.

⁴ ГАРФ, ф. 5233, оп. 18, 1943, д. 37, л. 25–26.

⁵ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 32, л. 4.

⁶ Подробнее о японисте Н.И. Конраде (1891–1970) и китаеведе Н.В. Кюнере (1877–1955) см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997, с. 352–353 и с. 63–65.

⁷ С.-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПб. филиал АРАН), ф. 820, оп. 3, ед. хр. 891.

⁸ См. статьи Н.Т. Федоренко на китайском языке в журналах «Чжуньюань» (1944. Т. 1, № 1) и «Чжунго сюэшу» (1946. Т. 1, № 1) под общим названием «Изучение жизни и творчества Цюй Юаня» («Цюй Юань шэн-пин цзи ци чуан-цзо чжи янь-цзю»).

⁹ Го Мо-жо. Сулянь у-ши тянь (50 дней в СССР). Пекин, 1949.

¹⁰ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1945, д. 45, л. 53–70.

¹¹ Японию Н.Т. Федоренко знал несколько меньше, так как срок его пребывания послом в этой стране (с 1958 по 1962 г.) был значительно меньше, чем в Китае (в течение 12 лет). К тому же по своему образованию он был китаистом, получившим отличную страноведческую подготовку в аспирантуре у тогдашнего патриарха отечественной китаистики акад. В.М. Алексеева. Подробнее о Н.Т. Федоренко как японисте см.: *Рифтин Б.Л.* Член-корреспондент РАН Николай Трофимович Федоренко (1912–2000) // Известия РАН, Серия литературы и языка. М., 2001, т. 60, № 3, с. 76–78.

¹² См.: *Милибанд С.Д.* Востоковеды России XX – начала XXI века. Библиографический словарь. Книга 2. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008, с. 534.

¹³ В автобиографии, написанной Н.Т. Федоренко 26 декабря 1986 г., сказано: «В 1937 г. поступил в Институт востоковедения в г. Москве. По окончании института поступил в аспирантуру, которую окончил в 1939 г. В этом же году был призван в действующую армию на Халхин-голе. После тяжёлого ранения находился в армейском госпитале около шести месяцев. В 1939 г. получил командировку в Китай для работы в Посольстве СССР. С 1952 г. работал в МИД СССР (зав. отделом, членом Коллегии, зам. министра иностранных дел).

С 1968 г. – с.н.с. ИВ РАН СССР, гл. ред. журнала «Иностранная литература».

Имею ранг чрезвычайного и полномочного посла СССР, д.ф.н., профессор, член-корреспондент АН СССР». См.: Архив ИВ РАН, Личное дело Н.Т. Федоренко.

¹⁴ В левом верхнем углу заявления подпись Б.Г. Гафурова: «Тов. Кошкину А.И. Согласен. Гафуров. 9/IX-68».

¹⁵ Подробнее о китаисте-литературоведе Л.З. Эйдлине (1910–1985) см.: *Яцковская К.Н.* К 95-летию со дня рождения и 20-летию со дня смерти Льва Залмановича Эйдлина // «Восток», 2005, № 4, с. 109–216.

¹⁶ См.: *Ляо Чжай.* Том первый. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Ляо Чжай чжи и). Перевод и предисловие В.М. Алексеева. Петербург, МСМХХII.

Касаясь издания этой работы, изданной в 1922 г., В.М. Алексеев указывал: «Перевод этих повестей, сделанных с оригинала, появляется на русском языке впервые. Всё, что появилось доселе, было или учебным переводом с примечаниями для руководства начинающих китаистов (речь идёт о четырёх повестях в «Китайской хрестоматии» В.П. Васильева и других китаистов. – А.Х.) или же переводом с иностранных переводов // Там же, Предисловие, с. 20.

¹⁷ Смешливая Ин Нин // Там же, с. 23–37.

¹⁸ Четвёртая Ху // Там же, с. 38–43.

¹⁹ Там же. Предисловие, с. 7–21.

²⁰ Подробнее о московском китаисте Н.Н. Короткове см.: *Хохлов А.Н.* Китаевед-лингвист Н.Н. Коротков (1908–1993): тернистый путь к вершинам научного творчества (К 90-летию со дня рождения) // Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы. Москва, 23–24 июня 1998 г. М., 1998, с. 5–14.

²¹ Подробнее о китаеведе А.А. Драгунове (1900–1955) см.: *Яхонтов С. А.* Драгунов [Некролог] // Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. VIII (Языкознание). М., 1956, с. 89–93 (Список опубликованных работ А.А. Драгунова – с. 94–95).

²² Обращение Н.Т. Федоренко к образу «цзюнь-цзы» («благородному мужу») следует рассматривать как его попытку моральной поддержки своего учителя акад. В.М. Алексеева, ставшего в 1938 г. объектом публичной травли, начатой статьёй в газете «Правда», опубликовавшей 31 мая 1938 г. клеветническое письмо двух молодых сотрудников Института востоковедения – без должной проверки и изучения изложенных её авторами фактов. Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. III. М., 2008, с. 450–473; *он же.* Три неизвестных архивных документа: к биографии В.М. Алексеева // Там же. С. 431–449.

²³ Подробнее о китайском писателе Эми Сяо (Сяо Сань) см.: *Хохлов А.Н.* Сяо сань юй Ми. А-по-ле-цзин ды тун-синь (Переписка Э. Сяо с М.Я. Аплетиным) // «Синь вэнь-сюэ ши-ляо» («Материалы по истории новой литературы»). 1994, № 1, с. 19–31.

²⁴ Подробнее о китаисте Всеволоде Сергеевиче Колоколове (1896–1979) см.: Китаисты С.А. и В.С. Колоколовы: отец и сын (К проблеме преемственности в отечественном востоковедении) // Китайское языкознание. XII Международная конференция. Москва, 22–23 июня 2004 г. М., 2004, с. 371–381.

²⁵ Китайский текст рассказа «Чу гуань» («За Великой [китайской] стеной»), написанного Лу Синем в декабре 1925 г., можно найти в книге «Сань-ши нянь цзи» («Собрание сочинений за 30 лет»), изданной Комитетом по увековечению памяти Лу Синя в 30 томах. Он помещён в её третьем томе под названием «Гу-ши синь-бянь» («Старые легенды в новой редакции»), с. 117–131.

²⁶ Это произведение Синя опубликовано в Китае на русском языке (в переводе В.Н. Рогова) в шанхайском издательстве «Шидай» («Эпоха») в 1947 г. с иллюстрациями-гравюрами на дереве, выполненными китайским художником Сяо Дином.

²⁷ См.: *Хохлов А.Н.* Директор Пекинской национальной библиотеки Юань Тун-ли: поездка в СССР в 1934 г. и контакты с российскими китаеводами (Из истории культурных связей России с Китаем в 30-х годах XX в.) // XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае». М., «Восточная литература» РАН, с. 159–180.

²⁸ Ван Си-чжи (321–379) – известный китайский каллиграф и литератор. Согласно преданию, он был родом из простого народа и занимался каллиграфией

самостоятельно, без учителя. Оставленные им надписи на дощечках, клочках бумаги и одеждах впоследствии были перенесены на камень потомками, благодаря чему сохранилось свыше 500 образцов почерка Ван Си-чжи. Как писатель он прославился эпистолярной прозой, поражающей читателя своей простотой и изяществом своего слога. Его предисловие к сборнику стихов под названием «В павильоне орхидей» вошло во многие хрестоматии и стало известно в России благодаря русскому переводу, выполненному В.М. Алексеевым. См.: Китайская классическая проза. 2-ое издание. М., 1959.

²⁹ Евгений Федорович Ковалёв (1907–1995) – китаевед-экономист, работавший в последние годы жизни в Институте Дальнего Востока РАН.

³⁰ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Борис Степанович Исаенко (1914–1965) – блестящий знаток китайского языка, талантливый педагог и замечательный переводчик-эрудит // Востокведные чтения 2008. Тезисы докладов научной конференции 8–10 октября 2008 г. М., 2008, с. 28–29.

³¹ При выполнении заказа акад. А.М. Алексеева относительно приобретения в Китае необходимых ему книг Н.Т. Федоренко, занимавший тогда должность 1-го секретаря советского посольства в Чунцине, столкнулся с серьёзными трудностями из-за дороговизны книг довоенных (до 1937 г.) изданий. Это видно из приводимого ниже письма дипломата от 22 августа 1944 г., адресованного ВОКС'у: «В соответствии с Вашим письмом от 14 июня с.г. № 126 нами была начата закупка книг для В.М. Алексеева. Однако в связи с тем, что просимые книги были изданы в довоенное время, цены на них в букинистических лавках крайне высоки. Так, например, 3 из 12 наименований [указанных в приложении китайскими иероглифами] обошлись нам в 6203 кит. доллара, т.е. 50 американских долларов. Стоимость книг всех 12-ти наименований составит 25–30 тыс. китайских дол., т.е. около 200–250 американских дол.

Посылая Вам книги по трём наименованиям, ожидаем Ваших дальнейших указаний и соответствующих ассигнований». В связи с недостатком и строгой экономией денежных средств (в условиях войны с нацистской Германией) 3-й секретарь советского посольства А. Дорофеев 30 августа 1944 г. направил члену Правления ВОКС'а Л. Кисловой следующее письмо с кратким объяснением причины приостановки закупки китайской литературы: «По пункту 15: для акад. Алексеева В.М. также частично (как и для школы МОПР в г. Иваново. – А.Х.) была произведена закупка (из 12 фишек с китайскими названиями книг, закуплено только три книги, за что уплачено из средств ВОКС'а 6703 китайских дол. Таким образом на неполное выполнение Вашего заказа по указанным выше двум пунктам нами на месте уже заплачено из средств ВОКС'а 26 398 китайских дол., что составило по так наз. твердому китайскому курсу около 600 американских дол. Из-за дороговизны книг [у букинистов] нами приостановлена дальнейшая закупка литературы». См.: ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 39, л. 53–54.